

ПАВЕЛ ЛИМОНОВ

A man and a woman are shown from the chest up, standing in front of a large window at night. The man, on the right, is looking directly at the camera with a serious expression. The woman, on the left, is looking off to the side. The background shows a city skyline with lights and a body of water.

ИЗМЕНА.
Я БЕРЕМЕННА,
НО ТЫ ОБ ЭТОМ
НЕ УЗНАЕШЬ

Павел Лимонов

Измена. Я беременна, но ты об этом не узнаешь

<https://litres.ru/74318589>

SelfPub; 2026

Аннотация

Утром я увидела две полоски. Вечером — мужа, целующего другую женщину на борту теплохода, который мы вместе готовили к первому рейсу.

Роман уже успел рассказать любовнице, что наш брак окончен. Мне сообщить об этом забыл. Поэтому я сняла квартиру, наняла юриста и подала на развод. О беременности он не узнает — по крайней мере, пока я сама не решу иначе.

Но развод не отменяет банковский транш, обучение экипажа и билеты, которые уже проданы. У меня есть доля в «Белой линии», от моих решений зависит первый сезон, а значит, еще шесть недель мы с Романом будем работать рядом — без общей спальни, семейных ужинов и права скрываться за словом «мы».

Он уверен, что еще способен вернуть семью. Только расстаться с любовницей и выучить правильные извинения недостаточно. Ему придется принять мой развод, перестать решать за двоих и доказать поступками: право быть отцом не дает права распоряжаться моей жизнью.

Содержание

ГЛАВА 1. Вечер, который я готовила для нас	4
ГЛАВА 2. Три дня тишины	15
ГЛАВА 3. Личные вещи	26
ГЛАВА 4. Полная версия	35
ГЛАВА 5. Два кабинета	47
Конец ознакомительного фрагмента.	56

Павел Лимонов

Измена. Я беременна, но ты об этом не узнаешь

ГЛАВА 1. Вечер, который я готовила для нас

Вторая полоска появилась сразу.

Я положила тест на край раковины, вымыла руки и посмотрела еще раз. За четыре года я научилась не принимать желаемое за результат. Знала, сколько минут ждать, какие лекарства могут повлиять на анализ и почему задержка сама по себе ничего не обещает. Сейчас инструкции не требовались. Полоска была четкой.

На часах стояло пять сорок две. Роман спал в спальне. Накануне он вернулся после полуночи, сказал, что рекламная съемка затянулась, и лег, когда я уже выключила свет. Я могла разбудить его. Раньше именно так и поступила бы: села рядом, коснулась плеча и заставила открыть глаза, потому что ждать до утра было невозможно.

Я не стала.

После двух неудачных протоколов мы договорились ниче-

го не праздновать до врача. Слово «мы» все еще подходило к этому решению, хотя в последние месяцы большую часть договоренностей между нами составляли рабочие письма.

Я убрала тест в косметичку и позвонила в клинику после открытия регистратуры. Окно на восемьдесят освободилось из-за отмены. К девяти тридцати мне нужно было быть в офисе, поэтому я согласилась, быстро приняла душ и оделась.

Роман вышел на кухню, когда я застегивала пальто.

— Ты куда так рано?

Он щурился после сна и держал в руке телефон. Темные волосы были примяты с одной стороны. На подбородке осталась узкая полоска пены: он, видимо, начал бриться и отвлекся на уведомление.

— На прием. Потом сразу в офис.

— Что-то случилось?

— Пока не знаю.

Я ответила честно. Если бы сказала больше, до врача он провел бы час в интернете, нашел десять причин не радоваться и одиннадцать способов скрыть беспокойство. Я слишком хорошо знала этот порядок.

— Позвони мне после приема.

— У тебя в девять банк.

— В девять пятнадцать. Я отвечу.

Он подошел, поцеловал меня в висок и вернулся в ванную. Обычный жест. Я стояла у двери еще несколько секунд,

прижимая ладонью карман, в котором лежала косметичка.

В клинике врач не делала торжественных выводов. Наталья Борисовна уточнила дату последней менструации, спросила о боли и выделениях, провела осмотр и показала мне на экране плодное яйцо в полости матки.

— По сроку около шести недель, — сказала она. — Пока все соответствует. Вот назначения и дата следующего приема. Если появится боль или кровянистые выделения, звоните сразу.

— Можно работать?

— Если самочувствие позволяет. Вы работаете физически?

— В основном головой. Иногда много хожу по теплоходу.

— Ходить можно. Не превращайте беременность в болезнь, но и соревнование на выносливость устраивать не нужно.

Я спросила о препарате, который принимала после прошлой попытки, записала ответ и убрала заключение в ежедневник. В коридоре достала телефон. Роман уже прислал два сообщения.

«Все нормально?»

Следом: «Я на встрече до десяти. Напиши».

Я набрала: «Все нормально. Расскажу вечером. Будь дома к восьми».

Ответ пришел через минуту: «Буду».

До офиса я ехала с открытым окном, хотя утро было хо-

лодным. От запаха ароматизатора в машине вдруг затошнило. На первом светофоре я сняла пластиковую подвеску с зеркала и убрала в бардачок. Это оказалось первым изменением, которое потребовал от меня ребенок.

В переговорной меня ждали капитан Сергей Астахов, главный механик Виктор Семенович и руководитель пассажирской службы Лена Федорова. Роман подключился к совещанию на семь минут позже, Кира Мельник — еще через три.

До первого рейса оставалось сорок семь дней. На такие сроки нельзя было смотреть целиком. Их приходилось делить на договоры, смены, поставки и подписи конкретных людей.

— По размещению экипажа закрываем вопрос в среду, — сказала я. — Сергей Павлович, список с паспортными данными нужен сегодня до четырех. Виктор Семенович, от вас к пятнице подтверждение по кухонному оборудованию. Не акт готовности, только фактический статус.

— Если поставщик опять напишет «отгрузка ожидается», я пришлю вам его номер телефона, — ответил механик. — Может, у вас он заговорит по-человечески.

— Мне нужна дата. Разговор потом.

— Поэтому и пришлю.

Кира улыбнулась, не поднимая головы от планшета.

— Для съемки в четверг кухня должна выглядеть законченной. Крупных планов оборудования не будет, но пустые

крепления попадут в кадр.

— Тогда снимайте то, что готово, — сказал Виктор Семенович. — Я не поставлю муляж, чтобы вам было красиво.

— Муляж никто не предлагает.

— Пока.

Роман прервал спор до того, как мне пришлось это сделать.

— Кира, перестройте план. Техническая готовность важнее съемочного графика. Алина, посмотришь новую версию сегодня?

— Если получу до трех.

— Получишь, — сказала Кира.

Она сидела справа от Романа. На ней был темно-синий костюм, волосы собраны в низкий хвост. Я видела ее десятки раз и прежде отмечала только то, насколько быстро она схватывает задачу. В тот день заметила, что Роман не смотрит в ее сторону. Тогда это ничего для меня не значило.

Совещание закончилось в одиннадцать. Роман задержался у двери.

— Ты уверена, что все нормально?

— Да. В восемь.

— Я помню.

— Хорошо.

Он хотел спросить еще что-то, но в коридоре его ждал Денис Королев. Я вернулась к таблице заселения экипажа.

Через десять минут Денис попросил меня присоединить-

ся к их разговору. Банк хотел увидеть уточненный прогноз по первым четырем рейсам: продажи шли лучше зимнего плана, но расходы на подготовку судна тоже выросли. Роман открыл таблицу, которую мы собирали накануне, и начал с выручки. Я дождалась вопроса о переменных расходах.

— При полной загрузке растут питание, уборка и экскурсионное обслуживание, — сказала я. — Запас по марже остается, если не увеличивать рекламные расходы после запуска.

— Кира просит дополнительный бюджет на видео, — напомнил Роман.

— Новый запрос не согласован. Сначала агентство должно показать, что получило за первоначальную сумму.

Денис пролистал медиаплан.

— Вы двое хотя бы иногда соглашаетесь быстро?

— Мы сейчас согласны, — ответила я.

Роман посмотрел на меня и улыбнулся.

— Просто Алина считает согласием только подписанный итог.

— Потому что в банке не принимают семейную интонацию вместо цифр.

Денис рассмеялся. Эта короткая перепалка была привычной, почти домашней. Я сидела напротив мужа с заключением врача в ежедневнике и думала, что вечером мы наконец поговорим не о банке, рейсе и чужих сроках.

После встречи Роман ушел вместе с Денисом. Я получила от него сообщение: «Обед с туроператором. Не жди».

Я написала: «В восемь все равно жду».

«Я помню важнее, чем обед».

Я прочитала фразу несколько раз. Позднее пыталась понять, лгал ли он именно в эту минуту или искренне собирался выполнить оба обещания — мне и другой женщине. Ответа у меня не было. Сообщение показывало только то, что он умел оставить каждому нужные слова.

В обед я заказала столик в маленьком ресторане рядом с домом, потом отменила бронь. Сообщать такую новость при официантах мне не хотелось. Я написала Оксане, спросила рецепт ее пирога с яблоками и получила в ответ фотографию страницы из старой тетради, испачканной мукой. По дороге домой собиралась купить продукты.

Перед тем как закрыть личный телефон, я открыла заметки и составила список. Купить яблоки. Найти коробку, в которой хранился первый снимок после протокола. Не начинать разговор с рабочих новостей. Не спрашивать Романа, рад ли он, прежде чем он успеет что-то почувствовать.

Последний пункт я удалила. Даже в хорошем событии пыталась управлять его реакцией.

В половине второго позвонила Наталья Борисовна. Уточнила, получила ли я назначения в приложении, и напомнила, что часть результатов появится позднее.

— Муж знает? — спросила она.

— Вечером скажу.

— Тогда не позволяйте ему искать диагнозы по одной

строке заключения. Если будут вопросы, записывайте и приносите на прием.

— Он умеет искать только худший вариант.

— Этим многие родственники занимаются вместо поддержки. Дайте ему конкретный список того, что уже известно, и того, чего пока знать невозможно.

Я поблагодарила. Совет показался простым и полезным. В пять утра следующего дня я еще помнила его дословно, хотя разговор с мужем так и не состоялся.

В два сорок Кира прислала новый план съемки. Один пункт требовал подписи генерального директора: агентство переносило часть работ на вечер и просило открыть кают-компанию после ухода монтажников. В электронном согласовании Роман поставил отметку «обсудить на месте».

Я позвонила ему. Телефон был вне зоны доступа.

В три двадцать Лена сообщила, что на теплоходе возник спор из-за размещения временного света. Я могла отправить заместителя, но он находился в порту у поставщика белья. До причала было десять минут, и мне все равно требовалась подпись Романа.

Перед выходом я зашла в малую переговорную за распечатанным приложением. На столе лежала чашка Киры с логотипом агентства и открытый блокнот. Я закрыла дверь, не заглядывая в записи. Тогда эта деталь показалась обычным следом затянувшейся встречи. В офисе постоянно оставляли зарядки, кружки и папки. Я не искала доказательств, потому

что не знала, что должна искать.

Монтажники уже снимали кабели, когда я поднялась на борт. У входа дежурил матрос. Он записал время моего прихода, хотя знал меня пять лет.

— Сергей Павлович просил никого не пропускать без отметки, — объяснил он.

— Правильно просил. Где съемочная группа?

— Почти все ушли. Госпожа Мельник в кают-компании. Роман Ильич тоже там.

Я прошла по коридору. Дверь кают-компании была прикрыта, но не заперта. На полу у стены стояли два сложенных штатива, рядом лежал кофр с осветительными панелями. Я постучала костяшками пальцев и открыла дверь.

Кира стояла между столом и диваном. Роман держал ее за талию. Ее ладонь лежала у него на шее. Они целовались и не слышали стука.

Я остановилась в двух шагах от порога. В руке у меня была папка с планом съемки. Я продолжала держать ее ровно, хотя пальцы уже болели от жесткого края.

Роман увидел меня первым. Отступил так резко, что задел бедром стол.

— Алина.

Кира обернулась. Удивленной она не выглядела: побледнела и посмотрела на Романа, словно ждала от него объяснения.

— Как давно? — спросила я.

Роман посмотрел на открытую дверь.

— Давай поговорим не здесь.

— Сколько времени ты с ней спишь?

— Я приеду домой и все объясню.

— Это не ответ.

Кира поправила пиджак.

— Роман, ты сказал, что поговорил с ней.

Он повернулся к ней.

— Сейчас не надо.

Мне хватило этой реплики. Кира не приняла меня за бывшую жену случайно. Ей дали причину так думать.

Я положила папку на ближайший стул.

— План съемки требует твоей подписи. Лена ждет решение по свету. Личные вопросы сегодня через сообщения.

— Алина, остановись.

— Я стою.

Он сделал шаг ко мне. Я подняла ладонь, и он остановился.

— Не подходи.

— Ты сейчас сядешь за руль в таком состоянии?

— В каком?

Он не нашел ответа, который не звучал бы оскорбительно. Я вышла в коридор, сообщила Лене, что съемка переносится до письменного решения, и спустилась на берег.

В машине я закрыла двери и положила руки на руль. Мне нужно было понять, могу ли я вести. Я назвала про себя дату,

адрес клиники, номер причала и три ближайшие задачи. Ответы были точными. Руки не дрожали. Тошнота вернулась, но теперь я не знала, чем она вызвана.

Телефон зазвонил. Роман.

Я отклонила вызов и открыла приложение клиники. В регистрационных данных стоял общий семейный адрес электронной почты, который мы почти не использовали. Я заменила его на личный и проверила, что уведомления не приходят в общий календарь.

Потом позвонила сестре.

— Ты сегодня дома?

— После шести. Что случилось?

— Можно я переночую у тебя?

Оксана перестала задавать вопросы.

— Можно. Я буду раньше.

Я завела двигатель. В ежедневнике лежало заключение врача, которое утром я собиралась положить перед Романом за ужином.

Я была беременна. Но сегодня он об этом не узнает.

ГЛАВА 2. Три дня тишины

У Оксаны не было гостевой комнаты. Она постелила мне на диване, отнесла в спальню плед с кошачьей шерстью и вернулась с чистым пододеяльником.

— Я его только вчера сняла с сушилки, — сказала она. — Чай будешь?

— Воду.

Она поставила на стол бутылку и села напротив. На ней оставалась рабочая блузка, а волосы она собрала карандашом. После занятий Оксана обычно переодевалась сразу, но мой звонок изменил ее вечер.

— Он тебе изменил? — спросила она.

Я кивнула.

— Ты видела?

— Да.

— С кем?

— С Кирой. Она руководит рекламой нового теплохода.

Оксана знала Киру по имени. Я рассказывала о ней зимой, когда агентство выиграло конкурс на кампанию. Тогда Кира казалась хорошим выбором.

— Ты вернешься домой сегодня?

— Нет.

— Завтра?

— Не знаю.

Сестра посмотрела на мой чемодан. Я взяла только ноутбук, зарядное устройство и одежду на один день. Даже зубную щетку купила по дороге.

— Можешь жить у меня сколько нужно.

— Спасибо. Несколько дней.

— Я сказала сколько нужно.

— А я слышала.

Она хотела обнять меня, но не была уверена, что я это выдержу. Я сама протянула руку. Оксана пересела на диван и прижала меня к себе. От ее волос пахло сухим шампунем и улицей. Я заплакала без звука, уткнувшись ей в плечо, и остановилась только тогда, когда стало трудно дышать носом.

О беременности я не сказала. Это была первая ложь сестре за много лет. Не прямая: она не спросила. От этого легче не стало.

Роман прислал девять сообщений. Первые три просили ответить. В четвертом он написал, что Кира уехала и ничего на теплоходе больше не произошло. В пятом предложил приехать. Потом сообщил, что будет ждать дома и не станет звонить до утра.

Последнее сообщение выглядело почти деловым:

«Напиши хотя бы, что ты в безопасности».

Я ответила: «Я у Оксаны. Не приезжай. По работе пишем на корпоративную почту».

Он поставил отметку о прочтении и больше не звонил.

Спала я меньше двух часов. В пять утра открыла банковские приложения и проверила счета. Зарплата приходила на мой личный счет. Доступ к нему был только у меня. У нас с Романом имелась общая карта для бытовых расходов, но основная часть моих накоплений лежала отдельно. Восемь месяцев обычной жизни, если не снимать дорогую квартиру и не пытаться одновременно финансировать ремонт теплотрассы из собственного кармана.

Я выписала регулярные расходы: аренда, продукты, бензин, страховка автомобиля, связь, услуги юриста, приемы в клинике. Раньше семейный бюджет позволял не считать каждую покупку. Теперь мне требовалась цифра, при которой отдельная жизнь переставала быть жестом и становилась планом.

Общую карту я не блокировала. На ней оставались деньги на коммунальные платежи и продукты. Переводить половину на свой счет без соглашения было бы таким же односторонним решением, какого я боялась от Романа. Я скачала выписку, отключила карту в телефоне и написала Ирине, что хочу обсудить порядок общих расходов.

Потом проверила корпоративные счета. Доступ сохранился в прежнем объеме, никаких платежей ночью не проводили. Мне стало стыдно за облегчение. Роман изменил мне, но это не означало, что он собирается выводить деньги. И все же я сделала снимки текущих остатков и сохранила отчеты в рабочем архиве, где они должны были находиться незави-

симо от развода.

В семь я написала заместителю, что до обеда работаю удаленно. Потом нашла номер Ирины Глебовой. Два года назад она готовила изменения в уставе компании. Ее работа стоила дорого, зато она никогда не обещала невозможного.

До консультации я провела короткое рабочее совещание по видеосвязи. Камеру не включила, сославшись на плохое соединение. Лена сообщила, что съемку на теплоходе остановили до нового согласования. Роман подтвердил решение письмом ночью и назначил встречу с агентством на вторую половину дня.

— Вы будете? — спросил заместитель.

— Нет. Получу протокол и обновленный план. По вопросам пассажирской зоны пишите мне.

— Роман Ильич сказал то же самое.

Это было первое рабочее решение после измены, в котором мы не противоречили друг другу. Я закрыла звонок и поняла, что компания продолжает требовать от нас обычной компетентности, хотя личная жизнь закончилась за несколько минут.

Ирина назначила встречу на одиннадцать.

— Я поеду с тобой, — сказала Оксана, когда проснулась.

— У тебя занятия.

— Отменю первую пару.

— Не надо. Это консультация, не драка.

— Ты всегда так говоришь, когда хочешь все сделать одна.

— Сегодня хочу.

Она не обиделась, но заставила меня съесть половину бутерброда. Кофе я налила по привычке, сделала глоток и отставила. Горечь показалась слишком сильной.

Офис Ирины находился в старом административном здании на втором этаже. Она выслушала меня, не перебивая, затем открыла блокнот.

— Сначала семейная часть. Общих несовершеннолетних детей нет?

Я посмотрела на закрытую дверь кабинета.

— Я беременна. Около шести недель. Роман не знает.

Ирина не изменилась в лице. Только записала дату.

— Поздравлять сейчас не буду. Кто еще знает?

— Врач. Теперь вы.

— Медицинское подтверждение есть?

— Да.

— Беременность не мешает вам обратиться за разводом. Ограничение действует для мужа, если жена не согласна. Но молчание влияет на дальнейшие решения. Вы собираетесь сообщить ему?

— Нет.

Она положила ручку рядом с блокнотом.

— Никогда или пока?

— Я вчера решила, что никогда.

— Вчера вы застали мужа с другой женщиной. Сегодня вы пришли ко мне, чтобы решения имели последствия, ко-

которые вы понимаете. Поэтому спрашиваю еще раз: вы хотите временно сохранить медицинскую информацию или планируете скрыть отцовство после рождения ребенка?

— Я не хочу, чтобы он вернул меня из-за беременности.

— Это объясняет отдельное жилье, представителя и границы общения. Не объясняет вечную тайну. Если ребенок родится в установленный законом период после развода, происхождение не исчезнет по вашему желанию. Есть права ребенка, права отца и документы. Кроме того, Роман может узнать от общих знакомых, сотрудников или увидеть вас. Одним молчанием такую тайну не сохранить. Потребуется постоянная система лжи.

Я смотрела на ее ручку. На прозрачном корпусе оставалась царапина, в которую забились синяя паста.

— Я не готова ему сказать.

— Сейчас от вас этого никто не требует. Но я не буду строить стратегию на том, что можно годами скрывать очевидное. Давайте поставим срок, когда вернемся к вопросу.

— После первого обследования.

— Запишем так.

Она перешла к квартире, долям в компании и порядку подачи заявления. Мы с Романом не заключали брачный договор. Квартира была общей. Доли в компании оформлены на каждого из нас, но их стоимость и вложения в период брака требовали отдельного соглашения. Ирина предложила не смешивать развод с корпоративным спором, если удастся

закрепить временное управление и провести независимую оценку.

— Есть риск, что он получит сведения из клиники через оплату или общую страховку? — спросила я.

— Как вы оплачивали прием?

— Личной картой. Клиника частная, договор оформлен на меня.

— Тогда не придумывайте незаконный доступ заранее. Проверьте контакты в личном кабинете и согласия на передачу сведений. Если Роман попытается получить данные без вашего разрешения, это будет отдельное нарушение. Пока такого факта нет.

— Общий адрес электронной почты я заменила.

— Этого достаточно на сегодня. Не стройте жизнь вокруг мысли, что он способен на любое действие только потому, что совершил одно тяжелое.

Мне не понравилась ее фраза, потому что она была справедливой. Проще было считать Романа человеком без границ. Тогда любое мое решение выглядело защитой. Но паспортные данные, банковский счет и медицинская карта оставались в реальном мире, где у каждого доступа были правила и следы.

— Он не согласится на развод, — сказала я.

— Тогда обращаемся в суд. Несогласие может увеличить срок, но не дает ему права сохранить брак против вашей воли. Вы хотите подать заявление сейчас?

— Хочу сначала знать, что именно произошло.

— Для развода вам не требуется полный отчет об измене.

— Для меня требуется.

— Тогда просите факты один раз. Если он будет выдавать их частями, не превращайте поиск правды в новую форму совместной жизни.

К двум часам у меня был список документов, стоимость работы Ирины и проект уведомления о раздельном проживании. Я оплатила консультацию со своего счета и вышла на улицу.

Роман стоял через дорогу у машины.

Я остановилась. Он увидел меня и не пошел навстречу. Значит, выполнил хотя бы одну просьбу.

Телефон завибрировал.

«Я приехал не за тобой. Встреча в соседнем здании. Могу уехать первым».

В общем календаре компании действительно стояла его встреча с портовым подрядчиком, назначенная еще на прошлой неделе. Совпадение не было слежкой, но встречаться с Романом после консультации я все равно не хотела.

Я написала: «Уезжай».

Он сел в машину. Водитель тронулся через несколько секунд.

Мне не требовалось проверять его объяснение или ждать, пока закончится встреча. Сегодня мы договорились не видеться, и этого было достаточно.

После обеда я посмотрела три квартиры. Первая находилась слишком далеко от офиса. Во второй хозяйка сразу спросила, не собираюсь ли я рожать в ближайшее время: ей не нравились жильцы с младенцами. Я ответила, что условия мне не подходят, и ушла.

Третья квартира была небольшой, с отдельной спальней и нормальным письменным столом. До офиса можно было доехать за двадцать минут. Собственник показал документы, согласился включить в договор опись имущества и не возражал против трехмесячного срока с возможностью продления.

— Жить будете одна? — спросил он.

— Да.

Я почувствовала вину за будущего ребенка и добавила:

— Если обстоятельства изменятся, предупрежу заранее. Пока срок три месяца.

Собственник пожал плечами.

— Главное, без субаренды и животных. Остальное по закону и договору.

Он не задавал вопросов о браке. Для него я была человеком с паспортом, работой и деньгами на залог. После двух дней, в которые каждое решение казалось частью семейной катастрофы, такая обычность помогла.

Я перевела залог и первый платеж. После услуг Ирины и аренды мои накопления уменьшились заметно, но не опасно. Это был расход за возможность закрыть дверь собственным

ключом.

Вечером Оксана помогла перевезти купленное постельное белье и две коробки посуды из магазина. Она не спрашивала, почему я выбрала квартиру с местом для детской кроватки у стены спальни. Возможно, не заметила. Возможно, решила подождать.

Когда она уехала, я открыла рабочую почту. Роман прислал отчет по банковской встрече и отдельно — личное письмо без темы.

«Я хочу объяснить. Кира не причина того, что между нами происходило, и я не буду перекладывать на нее ответственность. Скажи, где и когда ты согласна говорить».

Я перечитала дважды. Правильные слова не делали содержание менее поздним.

Я ответила с личного адреса:

«В субботу в одиннадцать я приеду за вещами с Оксаной. До воскресенья подготовь полную хронологию: когда началась личная переписка, сколько было встреч и что ты говорил ей о нашем браке. После этого встреча у моего юриста. Если снова получу часть правды, обсуждать будет нечего».

Отправив письмо, я сняла с общего семейного календаря доступ к своим личным событиям. Прием у врача там не отображался, но я проверила еще раз.

Первые три дня после измены не дали мне ответа, как жить дальше. К концу третьего у меня были адрес, юрист, собственные деньги и дата разговора. Утром я поставила бу-

дильник на семь и впервые знала, что буду делать после звонка.

ГЛАВА 3. Личные вещи

В субботу я приехала к дому без пяти одиннадцать. Оксана сидела рядом и держала на коленях сложенную хозяйственную сумку.

— Я не буду лезть в разговор, — сказала она. — Если он повысит голос, вмешуюсь.

— Роман не повышает голос.

— Очень удобно.

Я посмотрела на нее.

— Что?

— Тихие мужчины тоже могут говорить гадости. Просто соседям не слышно.

— Мне не нужна охрана.

— Я сестра с сумкой. Не приписывай мне лишние полномочия.

Мы поднялись на лифте. Свой ключ я использовала сама. Квартира оставалась моей собственностью в той же мере, что и неделю назад, хотя войти без предупреждения мне уже казалось неправильным.

Роман ждал в гостиной. На журнальном столике стояли две чашки и чайник. Он посмотрел на Оксану, затем на меня.

— Чай?

— Нет. Мы заберем вещи и уедем.

— Ты написала, что приедешь за вещами. Не что отка-

жешься говорить.

— Хронологию ты подготовил?

— Да. Но я хочу сначала объяснить вчерашнее.

Оксана поставила сумку у стены.

— Я буду в спальне, — сказала она. — Показывай, что складывать.

Мы с Романом остались в гостиной. Он был в темных брюках и рубашке без галстука. На правой манжете не хватало пуговицы. Обычно он замечал такие вещи до того, как выходил из спальни.

— В понедельник ты спросила, сколько времени я с ней сплю, — начал он. — В тот момент я не ответил, потому что ничего такого на теплоходе не было. Мы поцеловались.

— Я видела.

— До этого между нами были разговоры. Несколько встреч после работы. Я позволил этому зайти слишком далеко.

— Когда начались разговоры?

— После презентации агентства.

— В январе?

Он отвел взгляд к окну.

— Да.

— Кира сказала, что ты уже поговорил со мной. О чем именно ты должен был поговорить?

— О том, что мы с тобой давно живем как партнеры по бизнесу.

— Ты сказал ей, что наш брак закончен?

— Я сказал, что мы к этому идем.

— Когда ты решил, что мы идем к разводу?

— Я не формулировал это так.

— Для меня не формулировал. Для нее сумел.

Он провел ладонью по затылку.

— Я понимаю, как это звучит.

— Хорошо. Тогда сколько было встреч?

— Я все расскажу завтра у юриста.

— Сейчас ты утверждаешь, что был только поцелуй?

Роман подошел к столу и выключил чайник, хотя тот уже не работал.

— Я говорю, что в понедельник был поцелуй.

— Это третий вариант ответа за пять минут.

— Потому что ты задаешь разные вопросы.

— Нет. Я даю тебе несколько возможностей ответить на один.

Он сел на край кресла. Впервые с моего прихода перестал пытаться управлять порядком разговора.

— Завтра получишь всю правду.

— Значит, сегодня ее нет.

Я пошла в спальню. Оксана открыла шкаф и ждала у моей половины. Я достала чемодан, который хранился на верхней полке. Собирала одежду на две недели: белье, джинсы, брюки, свитеры, две рабочие блузки, удобные туфли. Летние вещи пока оставила. Возвращаться все равно придется с опи-

сю или после соглашения.

— Документы? — спросила Оксана.

— В кабинете.

В нижнем ящике стола лежали диплом, документы на автомобиль, старые трудовые договоры и папка с выписками по моему счету. Большая часть существовала в электронном виде, но оригиналы я забрала. Рабочий ноутбук принадлежал компании и был закреплен за мной по акту. Я положила его в отдельную сумку.

В ящике рядом хранилась папка с документами после лечения. Я открыла ее, увидела выписки, назначения и счета за два протокола. Последний результат был датирован прошлым летом. Тогда мы вернулись из клиники молча. Вечером Роман заказал еду, которую никто не смог съесть. Утром он уехал на переговоры. Я сама попросила его не отменять встречу. Теперь не понимала, помогала ли ему работать или учила нас обоих обходить боль, пока она не стала привычной.

Папку я оставила. Медицинские документы были моими, но сегодня они не требовались. Я не хотела, чтобы Оксана увидела их и догадалась о новой беременности по тому, как быстро я закрываю ящик.

На верхней полке лежала коробка с фотографиями. Я нашла снимок из нашего первого отпуска: Роман стоял на пирсе в дешевой ветровке и держал мой рюкзак, пока я завязывала шнурок. На обороте он написал дату и фразу о том, что

теперь готов носить мои вещи всю жизнь. Я вернула фотографию в коробку. Уносить только плохую версию прошлого было бы ложью. Забирать хорошую сегодня — слишком больно.

Роман стоял в дверях кабинета.

— Ты можешь работать дома. Я уеду на несколько дней.

— У меня уже есть квартира.

— Когда ты успела?

— Между консультацией и работой.

— Ты была у Глебовой.

— Да.

— Поэтому приехала с Оксаной? Чтобы у тебя был свидетель?

— Я приехала с сестрой, потому что не хотела оставаться с тобой одна.

Его лицо изменилось. Он понял разницу между юридической осторожностью и тем, что я не выдержу его близости. Раньше я бы смягчила следующую фразу. Теперь не стала.

— Это последствие твоего решения, Роман.

— Я не собирался давить на тебя.

— Ты уже пытался выбрать, когда и сколько правды мне дать.

Оксана закрыла чемодан.

— Готово.

Роман пропустил нас в коридор. Я сняла с крючка запасные ключи от машины и проверила, не забыла ли зарядное

устройство. Ключ от квартиры оставила на своем кольце.

— Почему ты его не отдаешь? — спросил Роман.

— Потому что квартира общая. Я не буду приходить без согласования, если нет срочной причины. Такое же правило действует для тебя: в мою съемную квартиру ты не приезжаешь без приглашения.

— Я даже не знаю адреса.

— И пока не узнаешь.

— Ты решила все за три дня.

— Я решила, где буду спать и с кем готова разговаривать. Остальное займет больше времени.

Он посмотрел на мою левую руку. Обручальное кольцо оставалось на пальце. Я заметила это только сейчас. Снимать его при Романе ради жеста не хотелось. Я повернула кольцо камнем внутрь ладони и взялась за ручку чемодана.

— Алина, я не хочу развода.

— Завтра скажешь это при Ирине после полной версии.

— Ты уже подала заявление?

— Подготовила.

— Дай мне неделю.

— На что?

Он раскрыл рот и закрыл. Неделя могла понадобиться ему для разговора, объяснения, правильного подарка, новой версии событий. Ни одно слово не возвращало понедельник в то утро, когда я еще выбирала рецепт пирога.

— До завтра, — сказала я.

На кухне Оксана остановилась у холодильника.

— Здесь продукты на неделю. Ты заберешь что-нибудь?

— Нет.

— Тогда они испортятся.

Роман стоял за нами.

— Я разберусь.

На дверце висел список покупок моим почерком. Внизу Роман приписал кофе. Я сняла список и выбросила в ведро. Это не был символ брака. Просто перечень, который больше никому не помогал.

— Есть вещи, которые ты хочешь забрать сейчас? — спросил Роман.

— Только те, что перечислила. Остальное после описи.

— Я ничего не буду выбрасывать или перевозить.

— Подтверди письменно.

— Подтвержу.

Оксана посмотрела на меня, но не вмешалась. Она привыкла решать семейные ссоры словами, а мы с Романом уже переходили к документам. Мне не нравилось, насколько официально звучал разговор на нашей кухне. Но письменная ясность была безопаснее обещания, произнесенного человеком, который несколько месяцев успешно разделял две жизни.

Оксана взяла сумку с ноутбуком. В лифте она нажала кнопку первого этажа и только потом спросила:

— Ты правда оставишь кольцо?

— Решу дома.

Она кивнула. Не сказала, что дом теперь другой.

В съемной квартире я разложила документы на письменном столе. Затем открыла проект уведомления, который прислала Ирина. В нем было указано, что с шестнадцатого апреля мы проживаем раздельно, личные визиты согласовываем заранее, рабочие вопросы ведем через корпоративную почту, а доступ к общей квартире сохраняется за обоими собственниками.

Я добавила строку: «Получение этого письма не означает согласия с вашей версией событий и не ограничивает мое право обратиться в суд».

Ирина прочитала текст и позвонила.

— Последняя фраза лишняя. Письмо фиксирует порядок, а не ваши эмоции и не позицию по иску.

— Уберите.

— Уже. Отправляем?

— Да.

Через минуту письмо ушло Роману. Он подтвердил получение коротким ответом без возражений.

Следом пришло отдельное письмо от него с перечнем имущества, которое он обязался не перемещать без согласования: мебель, документы, техника, мои личные вещи и общие семейные архивы. Ирина прочитала и сказала, что для полноценной описи этого недостаточно, но как временная фиксация подходит.

— Он ведет себя разумно, — заметила она.

— После трех дней лжи.

— Одно не отменяет другое. Вам придется оценивать каждый следующий поступок отдельно, иначе договориться об имуществе не получится.

— Я не хочу сейчас видеть в нем ничего разумного.

— Это уже не юридическая задача. Но для документов вам полезно отличать риск от боли.

Я закончила звонок раздраженной и все же сохранила письмо Романа в отдельную папку. Если он нарушит обещание, будет доказательство. Если выполнит, факт тоже останется.

Я сняла кольцо в ванной, вымыла руки и положила его в маленькую коробку вместе с серьгами, которые редко носила. Палец остался светлее остальной кожи. Никакого особого ощущения не появилось. Только непривычная гладкость, когда я провела большим пальцем по этому месту.

Перед сном Роман прислал одно сообщение на личный номер:

«Завтра расскажу все. Ты была права: сегодня я снова пытался оставить себе удобную часть».

Я не ответила. Встреча была назначена на десять. До нее мне не требовалось ни обещание, ни еще одно признание.

ГЛАВА 4. Полная версия

В воскресенье Роман пришел в кабинет Ирины раньше нас. Через стеклянную перегородку я увидела его за столом: перед ним лежала тонкая папка, рядом — телефон экраном вверх.

Ирина остановилась у двери.

— Если в любой момент захотите закончить встречу, скажите. Не нужно дослушивать ради вежливости.

— Я пришла ради ответа.

— Ответ может оказаться хуже вопроса.

— Поэтому и нужен.

Мы вошли. Роман поднялся, но навстречу не пошел. На этот раз он был в костюме. Перед сложным разговором он всегда выбирал одежду, в которой проводил переговоры. Возможно, так ему было проще не потерять порядок мыслей.

Ирина села во главе стола.

— Я присутствую как представитель Алины. Разговор личный, но все решения по разводу и имуществу после него будут оформляться отдельно. Роман Ильич, вы принесли материалы, о которых договорились?

— Да.

Он передвинул папку ко мне.

Внутри находились четыре страницы. Даты, места, способ оплаты. Никаких описаний. На первой странице Роман ука-

зал начало личной переписки — восемнадцатое января, через два дня после презентации рекламной кампании. Первая гостиница — седьмого февраля. Вторая — четырнадцатого марта. В понедельник, пятнадцатого апреля, был поцелуй на теплоходе.

Я перечитала даты. Седьмого февраля я ужинала одна и ждала его после встречи с банком. Он вернулся в половине второго и принес мне пирожное из круглосуточной кофейни. Четырнадцатого марта мы вместе завтракали, обсуждали недостающие вакансии в пассажирской службе. Вечером он написал, что едет с Кирой смотреть площадку для съемки.

— Две гостиницы? — спросила я.

— Да.

— Вчера ты говорил о разговорах и поцелуе.

— Вчера я снова испугался сказать все.

— Это я уже поняла. Сколько раз вы встречались вне работы, если не считать гостиницы?

— Пять. Кофе, ужин, две поездки по съемочным местам и прогулка после презентации.

— Поездки были рабочими?

— Начинались как рабочие.

— Кто платил за гостиницы?

— Я. Личной картой. В расходах компании их нет.

— Ты использовал рабочие поездки как объяснение для меня?

— Да.

Он отвечал без попытки смягчить глаголы. Это помогало услышать факты, но не делало их легче.

— Ты предохранялся?

Роман замер на секунду.

— Да. Оба раза.

— Я все равно сдам анализы.

— Конечно.

Слово прозвучало слишком быстро. Я посмотрела на него.

— Не соглашайся так, будто это обычная часть нашего плана. Мне придется говорить с врачом, потому что ты скрыл риск.

— Я понимаю.

— Нет. Сейчас ты слышишь. Понимать будешь позже, если не забудешь.

Ирина ничего не записывала. Она держала руки на столе и следила, чтобы разговор не ушел в спор о формулировках.

— Что ты говорил Кире о нашем браке? — спросила я.

Роман разблокировал телефон и открыл переписку.

— Что мы давно остались деловыми партнерами. Что я собираюсь поговорить с тобой после запуска сезона. Что развод — вопрос времени.

— Ты собирался?

— Я убеждал себя, что собираюсь.

— Когда?

— После первого рейса.

— Почему не до первой гостиницы?

Он посмотрел прямо на меня.

— Потому что хотел сохранить дом, компанию и отношения с Кирой, пока мог. Я называл это ожиданием подходящего момента. На самом деле мне было удобно ничего не решать.

Это был первый ответ, который не пытался представить трусость сложностью обстоятельств.

— Ты любишь ее?

— Я не знаю.

— Плохой ответ для нее.

— Я не буду придумывать другой.

— Ты продолжаешь с ней отношения?

— Нет. В понедельник после твоего ухода я сказал, что все закончилось.

— Потому что я увидела.

— Да.

— Если бы не увидела?

— Не могу честно сказать, когда остановился бы.

Я пролистала переписку. Не читала каждую фразу. Мне хватило дат и нескольких сообщений, где Роман обсуждал со мной поставки, а через минуту писал Кире, что дома снова задержится. Он не удалял текст и не просил поверить выборочным снимкам экрана. Я могла забрать копию, но не хотела хранить чужую близость у себя.

В одном сообщении Кира спрашивала, не передумал ли

он после выходных. Роман отвечал: «Нет. Просто сейчас нельзя раскачивать компанию». В те выходные мы выбрали ткань для штор в новых каютах, обедали у Тамары Павловны и ехали домой, споря о названии десерта в меню. Я не замечала, что он считает нашу совместную жизнь временной мерой управления.

— Что означало «не раскачивать компанию»? — спросила я.

— Я говорил ей, что развод до запуска создаст слухи и повлияет на банк.

— Ты узнавал это у банка?

— Нет.

— Значит, использовал компанию как удобную причину.

— Да.

— Ты собирался сообщить мне после того, как деньги поступят и я проведу первый рейс?

— Я говорил себе, что после запуска будет безопаснее.

— Для кого?

— Для меня.

Я закрыла чат. Ни банк, ни Денис, ни сотрудники не просили Романа сохранять видимость брака. Он придумал их требования, чтобы не сталкиваться с моим ответом.

— Кира спрашивала, почему ты продолжаешь жить со мной?

— Спрашивала.

— Что отвечал?

— Что квартира общая и мы пока не хотим выносить личное в работу.

— Мы ничего такого не решали.

— Нет.

В его телефоне находилась версия моей жизни, в создании которой я не участвовала. От этого было большее, чем от гостиничных чеков. Физическая измена имела даты. Ложная договоренность существовала каждый день.

— Кира знала, что мы живем вместе?

— Да.

— Знала о попытках завести ребенка?

— Что они были раньше. Я сказал, что мы прекратили лечение.

Я закрыла переписку и положила телефон перед ним.

— Ты обсуждал с ней мое здоровье.

— Без подробностей.

— Сам факт был не твоей информацией для нового романа.

— Ты права.

Мне захотелось встать. Я осталась сидеть, потому что вопрос был последним.

— Почему?

Роман потер ладонью край папки.

— Мне нравилось, что рядом с ней я выглядел человеком, который все придумал и построил. Она не видела, сколько решений принимаешь ты, сколько раз исправляешь мои обе-

щания и сколько работы начинается после моей подписи. Я получал восхищение и ничего не делал, чтобы остановиться.

— Значит, я слишком хорошо знала реальную цену твоих успехов?

— Ты знала меня целиком. Я выбрал человека, перед которым мог показывать удобную часть.

— Это твое объяснение?

— Да. Не оправдание.

Ирина повернулась ко мне.

— Вы получили факты, за которыми пришли?

— Получила.

Я достала из сумки подготовленное заявление. В нем не было ни слова об измене. Для прекращения брака достаточно того, что совместная жизнь стала невозможной. Ирина отметила места для подписи.

Роман увидел документ.

— Ты подаешь сегодня?

— Завтра.

— Я не согласен.

— Это увеличит срок, но не изменит решение.

— Дай нам хотя бы месяц отдельно.

— Мы уже отдельно.

— Месяц до подачи.

— Для чего?

— Чтобы я мог доказать, что готов исправлять.

— Тогда доказывай без отсрочки, которую должна пода-

рить я.

Он посмотрел на заявление, потом на Ирину.

— Если я не подпишу совместное обращение, вы пойдете в суд.

— Да, — ответила она. — Алина вправе требовать расторжения брака. Имущество и корпоративные вопросы мы предлагаем урегулировать отдельно.

— Вы уже подготовили требования по долям?

— Пока только перечень сведений для оценки. Если вы готовы к прозрачному соглашению, спор не обязателен.

Роман снова обратился ко мне:

— Ты хочешь выйти из компании?

— Я хочу, чтобы мой статус в ней не зависел от того, чья я жена.

— Он и не зависел.

— В четверг банк позвонил тебе, хотя расчет делала я. На совещаниях подрядчики ждут твоего подтверждения после моего решения. Ты это поддерживал, потому что так быстрее. Я соглашалась, потому что не хотела спорить дома. Теперь дома у нас нет.

— Есть компания за шесть недель до первого рейса.

— Поэтому нам нужны правила раньше, чем у сотрудников появятся два противоречивых начальника.

Ирина открыла второй документ.

— Предлагаю в течение двух рабочих дней подготовить временное соглашение о полномочиях. До его подписания

действуют текущие должностные документы. Личные разногласия не являются основанием отменять решения друг друга.

Роман прочитал первую страницу.

— Денис должен участвовать.

— Согласна, — сказала я. — И банк нужно уведомить, если изменения затронут условия кредита.

Он провел пальцем по строке, где были указаны наши доли.

— Я не хочу превращать развод в борьбу за компанию.

— Тогда не превращай.

— Алина, я понимаю, что не имею права просить доверия.

Но я хочу сохранить хотя бы возможность...

— Не сегодня.

Он остановился. Раньше после такой фразы продолжил бы, потому что умел убедить собеседника дослушать. Сейчас закрыл папку.

Я подписала заявление без исправлений.

— Я хочу получить подтверждение, что после созданного тобой риска ты тоже прошел обследование, — сказала я. — Сами документы мне не нужны.

Роман кивнул.

— Запишусь сегодня. Передам справку Ирине.

— Без подробностей, которые мне не нужны. Только результаты, относящиеся к безопасности.

— Хорошо.

— И не связывай это с тем, согласна ли я разговаривать о браке.

— Не буду.

Ирина записала срок обмена медицинскими подтверждениями через представителей. Это выглядело холодно, но защищало меня от еще одной встречи, где забота легко превращалась бы в просьбу дать шанс.

После встречи мы вышли в коридор втроем. Ирина вернулась в кабинет за копиями. Роман остался у окна.

— Я оплачу твои анализы, — сказал он.

Сначала я решила, что он догадался. Потом поняла: речь шла о проверке после измены.

— Я оплачу сама.

— Это последствие моего поступка.

— Счет можешь возместить через юриста. Доступа к результатам у тебя не будет.

— Хорошо.

Он не спросил, какие именно анализы назначат. Я держала сумку перед собой, и заключение о беременности лежало во внутреннем кармане.

— Завтра в десять у нас совещание по кухонному оборудованию, — сказал Роман. — Ты придешь?

— Это моя работа.

— Тогда до завтра.

Я кивнула. На лестнице Ирина спросила:

— Вы в порядке?

— Нет. Но заявление подписано.

— Это разные вещи.

— Теперь знаю.

В понедельник она подала документы. Роман получил официальное уведомление через установленный порядок, хотя уже знал о моем решении. В тот же день Денис Королев назначил встречу участников компании и банка.

До совещания я съездила в клинику сдать назначенные анализы. Наталья Борисовна не спрашивала, почему муж изменил и собираюсь ли я прощать. Уточнила даты риска, объяснила сроки исследований и внесла информацию в карту.

— Я беременна и развожусь одновременно, — сказала я, когда она спросила об уровне стресса. — Это влияет на наблюдение?

— На ваше самочувствие влияет. На каждом приеме будем оценивать обычные медицинские показатели, а не семейный статус. Если не спите, не едите или не можете работать, скажите. Не ждите, пока состояние станет тяжелым.

— Сплю плохо. Ем через раз.

— Тогда начните с режима и помощи близких. При необходимости направлю к специалисту. Самостоятельно успокоительные не принимайте.

Она говорила без драматизации и без обещаний, что спокойная мать гарантирует здорового ребенка. Я записала рекомендации. После клиники купила продукты на несколько дней и впервые приготовила ужин в съемной квартире. Еда

получилась пресной, но я съела половину и убрала остальное на завтра.

Вечером Роман прислал через Ирину подтверждение записи на обследование. Он выполнил требование в тот же день. Я отметила факт и не стала искать в нем скрытое послание.

Четыре страницы закрыли вопросы о датах и встречах. Рабочие последствия только начинались.

ГЛАВА 5. Два кабинета

Денис Королев вошел в переговорную с распечаткой кредитного договора и положил ее перед собой.

— В протокол вносим только рабочие решения, — сказал он. — Семейные причины меня не интересуют. Мне нужно понять, кто управляет компанией до конца первого блока рейсов.

Слева от него сидела представитель банка. Справа — Роман и его корпоративный юрист. Мы с Ириной заняли другую сторону стола.

— Текущие должности сохраняются, — сказала я. — Изменяется порядок согласования спорных решений и крупных расходов.

— Почему он должен измениться, если должности прежние? — спросил Денис.

— Потому что часть решений до сих пор принималась на доверии между супругами. Этого основания больше нет.

Роман не возразил. Денис посмотрел на него.

— Вы разводитесь?

— Алина подала заявление. Я получил уведомление.

— Это повлияет на управление в ближайшие шестьдесят дней?

— Если мы подпишем предложенный порядок, не повлияет.

Представитель банка открыла договор на странице с условиями следующего транша.

— Нас необходимо уведомить о смене генерального или операционного директора до окончания первого сезона. Сам развод владельцев условием договора не является. Но любые ограничения полномочий, влияющие на платежи и обязательства заемщика, мы должны увидеть до подписания.

Ирина передала ей проект.

Мы готовили его два дня. Я сохраняла право заключать операционные договоры в пределах утвержденного бюджета, формировать графики и принимать работу пассажирской службы. Роман отвечал за финансирование, продажи и общую стратегию. Расходы выше согласованного лимита требовали двух подписей. Если мы не приходили к решению, вопрос выносился Денису как третьему участнику, но он не мог подменить ни капитана, ни технического специалиста.

— Что с персоналом? — спросил Денис.

— Каждый руководитель назначает людей в своей зоне, — ответила я. — Увольнение начальника подразделения требует письменного обоснования и уведомления второго директора. Личные обстоятельства основанием не являются.

— Это о Кире Мельник?

— Она не сотрудник компании, — сказал Роман. — Договор заключен с агентством.

— Тогда почему ее фамилия уже второй день ходит по офису?

Роман выдержал взгляд инвестора.

— Потому что я нарушил границы личных и рабочих отношений. Агентство назначит другого руководителя для ежедневной работы. Кира передаст материалы дистанционно. Выполненная работа будет оплачена по договору.

— Компания понесет дополнительные расходы?

— Агентство подтвердило, что нет.

— Репутационные?

— Пока история не вышла за пределы команды, которая находилась на теплоходе. Я не буду просить сотрудников лгать, но и обсуждать мою личную жизнь на общем собрании не стану.

Денис повернулся ко мне.

— Вы согласны с таким порядком?

— С рабочим порядком — да. Личную оценку мы сюда не включаем.

Он откинулся на спинку кресла.

— Прекрасно. Два взрослых человека способны пять минут не использовать банк как семейного психолога. Уже лучше, чем я ожидал.

Ирина не улыбнулась.

— Тогда вернемся к документу.

Обсуждение заняло два часа. Представитель банка потребовала уточнить лимиты и порядок уведомления о длительном отсутствии одного из руководителей. Я указала заместителя, который мог вести текущие задачи до десяти рабо-

чих дней. Роман назвал финансового директора для своей зоны. Беременность заставила меня внимательнее отнестись к пункту об отсутствии, но вслух я объяснила его обычным риском болезни или командировки.

— Что происходит на одиннадцатый день? — спросила представитель банка.

— Участники утверждают продление временного замещения или назначают исполняющего обязанности, — ответила я. — В пределах должностных документов. Капитан и технические специалисты сохраняют свои полномочия независимо от присутствия директоров.

— А если отсутствуют оба?

Роман назвал финансового директора, я — своего заместителя. Ирина добавила, что их подписи не должны автоматически складываться в полномочия владельцев. Мы внесли отдельный порядок экстренного созыва участников.

До беременности я считала такой раздел излишней страховкой. Мы с Романом редко болели одновременно и почти не ездили в отпуск без ноутбуков. Теперь я видела, насколько опасна компания, способная работать только при постоянном присутствии двух людей. Причина моего возможного отсутствия оставалась личной, но правило было нужно всем.

Роман прочитал раздел о доступе к корпоративной почте.

— У нас остаются общие архивы проектов?

— Да, — ответила я. — Личная переписка к ним не относится.

— Я спрашивал о проектах.

— Тогда ответ уже получил.

Денис положил ладонь на договор.

— В офисе вы тоже собираетесь разговаривать таким образом?

— Нет, — сказала я. — Для этого нужны два кабинета и фиксированные совещания.

Мой кабинет был занят отделом продаж. Команда выросла быстрее помещения, поэтому последний год мы с Романом работали в одной комнате. Он разговаривал с банками, пока я обсуждала графики экипажа. Мы привыкли продолжать чужие фразы и принимать решения между звонками. Теперь эта привычка стала риском.

Роман предложил переехать самому.

— У меня больше встреч вне офиса. Алина останется рядом с операционной командой.

— Куда вы перейдете? — спросил Денис.

— В малую переговорную. Ее можно освободить за день.

— Тогда для встреч останется одна комната.

— Большая. При необходимости заранее забронируем комнату в деловом центре на первом этаже. На два месяца хватит.

Начальник административного отдела подключился по телефону и перечислил, что потребуется для переезда: второй монитор, закрывающийся шкаф, перенос внутренней линии и доступ к принтеру. Роман хотел сделать все вечером сила-

ми сотрудников.

— Завтра рабочий день, — сказала я. — Не оставляй людей после смены ради нашей срочности. Пусть перенесут утром по обычной заявке.

— Тогда я день поработаю из большой переговорной.

— Она нужна отделу продаж в одиннадцать.

— До одиннадцати успею.

Денис наблюдал за нами.

— Сейчас вы спорите как супруги или директора?

— Как люди, которые год не планировали офисное пространство, — ответила я.

— Это хотя бы решаемая проблема.

Я не благодарила его. Решение было разумным и относилось к работе.

К четырем часам мы подписали временное соглашение. Банк принял его на рассмотрение без приостановки финансирования. Денис забрал копию и остановился у двери.

— Итоги через шестьдесят дней. Если к тому моменту окажется, что один из вас блокирует работу из личных причин, я потребую внешнего управляющего. Доли не дают права уничтожать мой капитал.

— Справедливо, — сказал Роман.

— Посмотрим по отчету.

После встречи я вернулась в кабинет. На столе Романа еще лежали папки, зарядка и чашка с треснувшей ручкой, которую он почему-то не выбрасывал. Он вошел следом с пустой

коробкой.

— Я заберу вещи до конца дня.

— Хорошо.

— Тебе оставить папку по банку?

— Электронная копия у меня есть. Оригинал в финансовом отделе.

Он собрал книги, документы и фотографию с первого рейса арендованного теплохода, с которого началась компания. На снимке мы стояли рядом у трапа. Я была в куртке на два размера больше, Роман держал в руках рулон рекламных плакатов. Тогда у нас не было собственного судна, офиса и уверенности, что второй рейс состоится.

Роман задержал фотографию в руке.

— Забирай, — сказала я.

— Это общее.

— У меня есть файл.

Он положил рамку в коробку.

В пять пришло письмо из рекламного агентства. Новым руководителем проекта назначили Анну Свиридову. Кира должна была передать ей макеты, медиаплан, контакты и незакрытые задачи до понедельника. Все встречи проходили в присутствии представителя агентства или письменно. В договоре не появилось наказания за личную связь, которого там не было.

Анна попросила созвониться в шесть. Я пригласила Лену и сотрудника отдела продаж, чтобы передача проекта не

зависела от моего личного участия. Роман подключился из большой переговорной.

— В макетах остаются кадры с Романом Ильичом, — сказала Анна. — Убирать их без новой съемки нецелесообразно. Есть возражения?

Я посмотрела на план. Роман появлялся в коротком интервью как генеральный директор, а не член семьи.

— Рабочих возражений нет. Личная ситуация не меняет утвержденную роль.

— Согласен, — сказал он.

— Кира завершит передачу доступов до понедельника. Нужна ли отдельная встреча для объяснения причин команде?

— Нет, — ответила я. — Сотрудникам достаточно знать, что сменился руководитель проекта. Если потребуется обсудить поведение на площадке, это отдельный разговор между вашими руководителями и Романом.

Он не перебил и не попытался облегчить себе задачу моей подписью. После звонка отправил агентству письмо, в котором взял ответственность за нарушение профессиональных границ и подтвердил, что компания не требует наказания Киры вне условий договора. Копию получил Денис.

Я прочитала письмо. В нем не было просьбы сохранить тайну или фразы о взаимных чувствах. Оно не исправляло измену, но не добавляло к ней незаконного увольнения.

Я согласовала порядок передачи. Роман поставил вторую

подпись через десять минут.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.